

ДВОЕ

Над рекою, утомленной
Отшумевшим ледоходом,
По коврам ромашек белых,
Что цветут у нас весною,
Шли, обнявшись, двое.

Двое —

Неразлучные, как берег
и вода.

Река играла, улыбаясь,
и бежала

за влюбленными,
целуя

их следы

на мокрой глине,

будто их благодарила

за любовь большую эту.

Да и я, охотник старый,
восхищенным долгим взглядом
проводил их

вплоть до кромки

выпуклого горизонта.

И припомнить все старался —

где, когда я это видел?

Разворачивала память
свой аркан — ремешный, длинный,
Дальше, дальше...
Стоп! Припомнил!
Снова сматываю в петли
свой «аркан» — уже с добычей.

...Как дыхание оленя,
день был благостным и теплым,
и на стали небосклона
бронзой высветилась зорька.
Облака — «клубника тундры» —
над равниной розовели,
будто угли в печке чума.
И, любуясь их красою,
я не гнал свою упряжку,
ехал легкою рысцою,
ввысь глядел...
А предо мною
ехала краса земная,
чьи глаза —
два черных солнца —
всех парней
с ума сводили.
Только счастье не ходило
никогда в ее упряжке:
парня крепко полюбила,
а родне он — не по праву.
Обогнав мой аргиш старый,
вынеслась вперед упряжка
легконогая оленья.
От копыт летели комья,
закрывая тучей небо,
как гусей весенних стаи.
Вот с переднею упряжкой
Поравнялась.

Парень статный
приподнялся на колени,
ловкой, сильною рукою
обхватил красу-девицу,
а она ему обвила
шею белыми руками.
Свистнул, гикнул...
И растаял.
Лишь полозья грохотали,
словно вешний гром над тундрой.

Я смотрел им вслед, как будто
мог вернуть их из-за кромки
выпуклого горизонта,
приукрытого завесой
синеватого тумана,
чтоб взглянуть в глаза влюбленным,
где сверкают счастья звезды,
чтоб понять,
какая сила
в этой стылой, грозной тундре
свергла вдруг законы предков
с ледяного пьедестала?!
Где теперь вы, отзовитесь,
милые мои герои!
Может, это ваши дети
предо мной прошли сегодня?
Все равно они достойны,
как и вы,
любви и песни.

